

Там гангренозные образования зависели от общей интоксикации и не были связаны ни с какими изменениями в нервной системе. Напрашивается еще один вопрос—куда следует относить образовавшиеся гангренозные изменения, к острому или дробитусу, к гангрене или симметрической гангрене, так называемой болезни Ваушад. Мне представляется решение этого вопроса праздным. При просмотривании руководства по разным болезням, для болезни Ваушад характерным является только одностороннее ее появление и симметрическое расположение, а в остальном это обычная гангрена, или острый дробитус, если принять в соображение, что таковой может образоваться и без давления на кожу и даже без участия бактерий.

В нашем случае внезапное появление на симметрических местах гангрены более подходит к болезни Ваушад; дальнейшее изъяснение, конечно, не обошлось без участия бактерий на омертвевшем участке.

Давление, ушиб в данном случае с большой вероятностью можно считать, так как больная лежала все время на мягком матраце и вначале осадки и слякочек у нее на теле не было, а с другой стороны—ны видны ежедневно массу ушибов и эмпиемиков без трофических затен растройства. При прогрессирующем параличе особенно наблюдаются на местах постоянного давления—как-то: крестцы, ягодицы, при сидении могла мне ни разу не приходилось наблюдать пролежней. Появление таких трофических растройства, мне кажется, достойно внимания клиницистов.

Значение психопатологии для педагогики.

(К вопросу о преподавании педагогической социологии и детской педагогики на педагогическом факультете)

Сек. преп. Д. И. Азбукина.

(Из Психопатрической Клиники Высшей Методической Школы, директор проф. А. Л. Леброн).

Понятие Дюбуа «у нас нет одной меры для нормальных» оспаривать трудно. Грань между нормо-психией и пато-психией, между нормальными и патологическими характером, между последним и «нормальным» трудно провести. Даже психи, при которых имеется максимальная степень нарушения приспособления и различных отношений к социальной среде, максимальная степень утраты работоспособности и социальной своими поступками, отграничить нельзя. Пары и патология здесь безусловно переменяются, при чем некоторая степень психопатичности имеет, по мнению Штриопельца, весьма хорошую сторону. При некоторой доле психиости легко создается ассоциация, человек может найти стимул, что является основой живого мышления и чувствования, составляет с точки душевной организации, помогает творческой успешной работе и жизни воображения.

То обстоятельство, что у большинства из описанных нормальными людьми можно выделить отдельные психопатологические черты вполне понятно,—уже слышим от многих факторов внешней среды, от наследственных ген, внутритурбных моментов, аномальной среды, особенностей центральной нервной и эндокринной систем (особенно, по Брауну, высылит не только свои мозгом, но и посредством образования содержимого своей черепной коробкой ее также своими эндокринными железами).

Трудно допустить гармоничность всех этих факторов, тем более, что человек с детства до зрелого возраста должен пройти те же стадии развития, через которые проходило человечество.

Основная или нормальная школа для ребенка ставит на сильных, даже подрастающих детей при поступлении умственной и физической, жесткой фильтрации, при воспитании и обучении их должна столкнуться с своеобразным темпом психического развития. Путь и школа этого последнего дети, приличные нормальными, проходят неодинаково. Одни временно останавливаются, другие сбиваются, третьи идут вперед, четвертые долго не находят своего настоящего пути.

В числе этих многих — нередко и те, кто потом является силой земли и источком миру. Из ученых Платон, Дарвин, Гельмгольц, из философов Руссо, Дидро, Шопенгауэр, Ницше, из педагогов Песталоцци, из поэтов Байрон, Шлифг, Пушкин написали и детстве значительные педагогические недостатки, которые преодолели. Много же детей не достигают превращения своих педагогических недостатков, бывает бесцельно выравнивать линии своего психического роста и не находят поддержки у педагогов.

По одним педагогам трудно разобраться в своеобразных и различных течениях психического развития, в достижении психических процессов, в отдельных патологических чертах, патологических характерах и неврозах, являющихся почвой для различных педагогических недостатков.

Тем более, что воспитание, по справедливому определению Канта, само по себе является величайшей и труднейшей задачей, казав только может быть дана человеку.

Шопенгауэр даже не верил, что подобная задача может быть решена; воспитание, по его мнению, ничего не в силах сделать с человеком. Это — великие философские взгляды. Подготовка по Менишовой, поднимается точной научной разработке, как и другие вопросы человеческой жизни. Человечество, конечно, вымерло и выродилось бы, если бы не было корректирующего влияния воспитания. Но, во всяком случае, педагоги нуждаются и облегчении ее задач, в предохранении ее от ошибок, в большой помощи со стороны психопатологии. Без падающего, во время на жизнь школы психопатологического света возможны трудно-поправимые педагогические ошибки и недоразумения, возможно недостаточно бережное отношение к хрупкому детскому организму, возможным различным страданиям и терзаниям.

Недаром же бываю школьные самоубийства, иногда даже до 10-ти летнего возраста, при чем число их в России до последней войны стремительно росло: по официальным данным в 1905 г. — 27; в 1908 г. — 132; в 1910 — 256. Не даром же и в жизни у Гончарова, Тургенева, Толстого, Пондоловского, Потанина находили отражение плачевные результаты неправильного и ложного воспитания.

Между тем, очень мало таких детей, которые бы во всех отношениях были настолько безнадёжны, что в них нельзя было бы найти ни одной искры, способной разгореться в пламя. Верить и исправление воспитанника всегда. Были факты, что одно случайное обстоятельство все изменило — записка Кошут. Рукавишников, которого в 25-летний юбилей так горько приветствовал Московский Университет, как своего питомца, отдавшего душу свою на охрану детей с пату-неухкой.

Даже там, где пату-неухка ребенка довольно резко бросается в глаза на основании педагогического и психологического эксперимента, где является необходимость выдвинуть ребенка и перевести его из основной школы — в специальную воспитательную — такое выделение не может

быть произведено целесообразно и безболезненно, без психопатологической ориентации и санации.

Самая организация первоначальных психопатологических учреждений для детей с пату-неухкой не может прозреть без участия психопатолога. Тем менее без участия его может быть решен вопрос о выделении из этих учреждений. Брешь же в этой сети дырки — было открылось на нормальной школьной жизни, на семье и государстве. Как печально поступить, говорят Бино, что так редки дети, для которых, вследствие их прирожденной или приобретенной слабости — образование является невозможным, не имеет возможности пользоваться благами школьной жизни.

О-но, злоупотребление на воспитании заброшенных детей, говорит Кюбеля, третью часть в 10 раз больше на Западе и терзаны.

По самым последним данным в России в настоящее время учреждений для аморальных и асоциальных детей, встречается от 5 до 8% — имеется 125, детей в них 6735, не хватает подобных учреждений около 10.000. Учреждений же для аморальных или социально-уничижительных детей, встречающихся в 3%, имеется 53, детей в них 1850, не хватает же таких учреждений около 4.000.

Для слепых имеется 19 учреждений, детей в них 775, не хватает 335 учреждений. Для глухонемых имеется 44 учреждения, детей в них 1940, не хватает 900 учреждений.

И те учреждения, какие есть, выжили у нас крайне тяжело. Службы или французских психотропов Итара, Сетона и друг. в необходимости специальной помощи детям с пату-неухкой, начиная эпохой просвещения, распространены в Англии Бюшеля, позднее Амандом, в Германии Гукенбюмом, позднее Тростнером и Керном, у нас пропагандировались Яковлевским, Семеновым, Лествафом, Малюженским, Спирским. Одним из реальных толчков был доклад проф. Кожанцова на съезде по техническому образованию в 1895 г., когда была образована специальная медико-педагогическая секция, секретарем которой был Г. И. Россолово. В 1906 г. открыта первая психопатологическая школа в Петрограде, в 1908 — в Москве. Исправительные школы, институты для слепых и глухонемых были основаны раньше.

Организация жизни, установка целесообразного режима, разработка специальной методологии воспитания и обучения также требуют участия и руководства психопатолога.

Вольеры борбу с детской преступностью, которая у нас растет, шитая и обуславливая рост преступности взрослых.

По данным Главмелиции:

за I-ю четверть 20-го года	было задержано подростков	2140.
" "	" "	3716.
" "	" "	8404.
" "	" "	" "

По позитивной теории Ласта, Фрикса, Амарфенбург, Зеккура, Крестина, Бейлера, Копальского, преступление не только является из определенного сочетания условий наследственно-биологических и

психологических с обстановками социальной среды и является наследственным или болезненным.

За это говорят печальный опыт наказаний. По мнению проф. Ковалевского, тюрьма должна быть абыта, как пели душевно-больных. Уголовному правосудию, по проф. Владимирову, должно удовлетворять лишь medico-психологическое исследование. Крепели настаивает на необходимости критической педагогики.

Петроградское Психиатрическое О-во еще в 1893 г. декларировало подобные взгляды. Раз так, то кому же как не психопатологу идти рука об руку с педагогом при принудительном перевоспитании, при постановке диагноза социального недуга и выработке мер исправления и излечения.

Для обучения олигофренов или врожденно-умственно-отсталых детей (шфантильков, свинухов, микседематиков и др. большой частью обреченных своей пато-психикой оплодотворенной и дистрофической почве) необходимо предварительное развитие органов чувств, координации движений, внимания.

Это так называемая психическая ортопедия, предвещающая обучение и идущая параллельно с индивидуализацией, наглядностью, развитием самостоятельности.

Проведение ее возможно лишь при ближайшем участии психопатолога.

Этого участия требует и воспитание слепых, борьба с их робостью, неуверенностью, гнетущим влиянием эмпии малолетности, развитие у них оставшихся органов чувств и шестого чувства, т. е. чувства встречных предметов и препятствий, объяснимого температурными ощущениями зина под влиянием лучистой теплоты от окружающих предметов.

Нужен психопатолог также для борьбы с глухонемой и расстройством речи, при развитии ослепания от воздушной струи у глухонемых, при развитии водового напряжения и воспаления у носоглоточных, для психотерапии с аутистами (замкнутыми), обо замкание тесно связано с непсихическим характером.

Ни одна школа ни при каких обстоятельствах не избежит необходимости считаться с патологическими характерами—бесформенными, резонирующими, параноидальными, паразитическими, авитичными, неустойчивыми, инволютивными, шизоидными и др.

Также не минуать каждой школе иногда становится лицом к лицу с детской ленью, капризами, застенчивостью, при которой, по Некрасову, «сознание бессильно обидное, как зверь копошится в груди, да сознание бессильно обидное, остается одно вперед». Лень, капризы, застенчивость являются переходными процессами в детстве психоневрозов.

Школе же приходится считаться и с психоневрозами и даже переходными психозами, возникающими часто психогенно и реактивно под влиянием биологической малолетности, неудачных вытеснений, повышен-

ной внушаемости, излишней фантасии воспитания, излишней эмпативности, особенно впечатлительности, т. е. вследствие задержки старых инволютивных механизмов, когда-то излишних в психосообразности, но затем утрачивается у детей в 6^м и 8^м лет. Истерики—это порождение невроза, по Крепелю, в 8^м лет.

Психогитания, психотерапия активная и пассивная—внушение имеют широкое место в школе.

Значение психопатологии для педагогики равно также как тому, что психику детских и школьного возраста, охватываемой не только школьного возраста, обуславливающей многие педагогические моменты, психопатологии отводится виднейшее место. Психопатология детской психики впервые в России открыта в 1908 г. в Петроградском Институте, где была занята проф. Гурьевичем.

Итак, психопатология имеет громадное значение для педагогики, педагогическое образование педагогов и воспитателей всеми, и в детских педагогических школах, и в педагогических психопатологии читается или как самостоятельный курс, или как часть детской психологии, стремясь лечь воспитателям, воспитателям, широко пользуясь лечением.

Но как бы ни был психопатологически образован педагог, без участия врача ему не обойтись. Каждому врачу, особенно в провинции, придется и приходится идти на встречу школе и педагогам не только как педиатру и гигиенисту, но и как психопатологу.

На медицинских факультетах «редко» целесообразно курсом детской психологии или, по крайней мере, в биологической психопатологии, что уже осуществляется в Высш. Мед. Школе. Это тем более, что, по словам Крепелина, «лучшая дефективных детей, врач достигают глубокого понимания причин заболевания, которые окутаны туманом».

А эти сказутся громадные услуги обществу—человеческого рода—евгенике, и исполнится завет Ницше для детей наших, акушеров, то, что вы дети отцов ваших».

Человек железными дорогами и автомобилями удлинит себе шаг, электрической передачей сил—удлинит себе руки, телефонной расширит уши, микроскопом зрение, аэропланом добавит крылья, а паровыми локомотивами плывания и жабры, теперь ему необходимо водоросли и облагородить душу. Только тогда, быть может, отпадут слова Шопенгауэра «жизнь глубоко погружена в страдания и не может от них избавиться».